

Дискуссия

Сергей Уткин (ИМЭМО РАН). Хотел бы прокомментировать в целом впечатление, которое у меня сложилось по результатам вашего, по моему, очень своевременного проекта.

Начну с Польши. Действительно, российско-польские отношения – это клубок и исторических противоречий, и современных противоречий, которые, конечно, тоже накладывают свой отпечаток. Но что мне показалось любопытным, - что тот образ России непривлекательный, который, как Вы показали, среди части польских интеллектуалов, наблюдателей распространен, сейчас оказывается востребован в контексте российско-украинского конфликта. То есть фактически мы часто со стороны Украины слышим примерно тот же набор аргументов, что есть этнические различия, что вообще Россия – это такой Мордор не только в политическом смысле, но и в смысле людей, которые там живут.

В этом плане у меня есть вопрос. Люди, которые с такой жесткой позицией относятся к России, как-то формулируют свое отношение к украинскому и белорусскому народам? То есть с их точки зрения это все-таки народы, исторически связанные скорее с Польшей, и, соответственно, они оказываются по «польскую сторону» баррикад в этом этническом противостоянии? Или вследствие того, что все-таки они в течение такого длительного времени существовали в одном государстве с Россией, здесь произошли какие-то глубинные изменения, которые в том числе и эти народы заставляют таких резких наблюдателей оценивать с критической точки зрения? Какое здесь отношение выстраивается к тем, кто оказывается на границе этого разделения между представлением о польском народе и представлением о российском народе?

По Франции. Вы достаточно интересно сформулировали тему в связи с взглядами именно французских левых. И Вы, возможно, знаете, есть такая с

грустной иронией французская песня «Мой отец был настолько левым», где как раз с позиции сына левака рассказывается о том, как все эти мифы о какой-то такой прекрасной России проходили через жизнь маленького человека, еще школьника, который не очень понимал вообще что к чему, но тем не менее испытывал последствия того, что он носил очки Брежнева и брекеты от Туполева, что он с отцом поехал в Россию зимой, потому что зимой оттенки серого легче различать. Такой намек на то, что, наверное, не так прекрасна была жизнь в Советском Союзе.

То есть, наверное, есть художественная рефлексия во Франции на эту тему. Мой вопрос следующий. Вы говорили, что распад Советского Союза видится как поражение, которое эмоционально воспринимается этими левыми группами. Но речь идет именно о моменте распада, то есть им кажется, что трагедией стало именно прекращение советского проекта? Или они говорят о том, что все испортилось гораздо раньше? Или здесь есть какая-то разница в подходах? То есть в какой момент этот социалистический проект, по мнению французских левых, сломался? Это Сталин, это Брежнев. В какой момент что-то пошло не так, и стараются ли они извлечь как-то из этого уроки для себя помимо момента распада? Или именно момент распада видится как такое предательство, что какая жалость, что закончили этот эксперимент, а если бы не закончили, было бы лучше.

И последнее, что касается Молдовы. Вы упомянули о том, что там не знают российскую современную культуру. Я думаю, что, может быть, это не столько отличает Молдову от России, сколько напоминает то, что мы имеем в России. Потому что если мы подойдем к людям на улице или даже будем спрашивать своих достаточно образованных коллег, друзей, то я думаю, что очень многие станут вспоминать классику, что-то, что они знают из школ, может быть, из своих юных лет. А когда речь пойдет о современной культуре, скажут: мы не читаем чего-то более современного.

Мои грузинские коллеги рассказывали, что для них русская культура, которую они знают, любят и которая является олицетворением русской мягкой силы, - это русский рок 80-х годов. И они противопоставляют это современному русскому телевидению, так называемой современной популярной музыке и говорят: посмотрите, чем вы нас снабжаете сейчас. Неужели вы ждете, что мы будем это ценить, любить и быть об этом высокого мнения?

Это наводит меня, собственно, на вопрос о том, в чем именно проявляется то, что люди знают русскую культуру. Это какие-то советские песни или это какое-то более глубокое знание? Или человек просто в целом говорит: да, в прошлом я знал, а теперь не знаю. Это такая самооценка, или это проявляется на каких-то конкретных примерах?

Потому что мне кажется, что в том числе и до Молдовы, до других постсоветских государств эта популярная, современная российская культура доходит в достаточно широком масштабе – в плане коммерческих концертов, разных исполнителей. То есть это для нас какие-то образцы, скорее, «низкой» культуры. Просто мы вряд ли задумываемся именно об этом, когда мы думаем о русской культуре с позиции интеллектуалов - как о высокой культуре.

И совсем небольшой комментарий, буквально два предложения по поводу всего услышанного. Мне кажется, что в контексте нашей сегодняшней темы важно то, как те сюжеты, которые вы рассматривали, проходят через жизнь отдельных людей. И в случае, если мы смотрим на тех, кто фактически по своей биографии связан с Россией: или он работает как гастарбайтер, или у него в семье кто-то работает, или он видит образовательные перспективы в России, как мы видели в случае Казахстана. Это погружает человека фактически в необходимость подумать о том, какие отношения выстраиваются с Россией, и поразмышлять об этом, сформулировать свою позицию.

Часть проблемы, наверное, с которой мы сталкиваемся, - это то, что в России для очень многих, даже не только для молодых людей, я думаю, *для очень многих россиян вообще не возникает вопрос: а как они относятся к постсоветским странам.* Может быть, украинские события последних лет заставили россиян так или иначе формулировать свое отношение к Украине, но в отношении других стран нет ни интереса, ни желания поехать посмотреть. И это накладывает, конечно, свой отпечаток. Во-первых, недостаток общения, во-вторых, может быть недостаток элементарной информации. Потому что очень часто у нас в средствах массовой информации действует принцип *good news is no news*. Если новость заключается в том, что между Россией и Казахстаном ничего не произошло, то об этом вообще не напишут. Если новость заключается в том, что между Россией и Казахстаном создано какое-то совместное предприятие, то это, может быть, появится в газетах, но это никто не будет обсуждать, потому что это неконфликтно, неинтересно, это не повод для дискуссии.

То есть здесь большой вопрос: а как можно такое, может быть, более конструктивное общение людей, которое наверное, происходит на постсоветском пространстве, сделать более интересным, содержательным? Что для этого можно сделать? Здесь, может быть, в какой-то степени интересен пример Грузии, где туристический потенциал сыграл свою роль. И, по-моему, очень многие россияне в последнее время открыли для себя Грузию именно как туристическое направление.

Но, наверное, не все постсоветские страны могут занять такую же нишу. И, здесь, наверное, требуется просто работа в плане развития гуманитарного общения и трансграничное сотрудничество, есть для этого специальные программы. В более широком плане – сотрудничество между университетами. Для того, чтобы вообще сама мысль поехать в другие страны постсоветского пространства, посмотреть, как там люди живут,

поговорить с ними, появлялась и была чем-то естественным для студентов, которые учатся в России.

Мне кажется, что это, может быть, помогло бы нам преодолевать некоторые стереотипы и получить, может быть, в следующем поколении более здоровое восприятие друг друга.

Анджей Вежбицки. Спасибо за Ваш вопрос. Я думаю, что украинско-российский контекст очевиден. Безусловно. И с точки зрения Белоруссии, Украины соперничество польское и российское – это соперничество двух империй на их территории.

По моему мнению, это мой тезис, он опубликован на русском языке: причина польско-российских отношений в нынешнее время, в их нынешнем состоянии – это борьба за украинско-белорусское пространство. У нас отрицается, можно сказать, допольский период истории Белоруссии и Украины. Если не совсем, то можно сказать, почти он не существует в польском восприятии истории этих территорий. И считается, что Белоруссия и Украины испокон веков принадлежали Польше, они составляют часть польской культуры, польской истории и т.д.

Есть мнение, что Брестская уния – это было навязывание римско-католического-православного, что это имело положительное значение и т.д. Она привлекала белорусов, украинцев к польской культуре и т.д. Это период полонизации воспринимается как добровольный, натуральный, естественный процесс в отличие от русификации, которая происходила потом в XIX веке особенно на этих территориях.

Можно даже сказать, что там происходила польско-российская борьба за души этого населения. Российская власть и польское культурное влияние – это понятно. И до сих пор это существует представление, что Белоруссия, Украина – это польская территория. Но эта тема уже, скорее, геополитическая.

А кстати, один из экспертов сказал: если бы не российская власть, то поляки были бы самым русофильским народом в мире. Я бы отнесся к этому тезису внимательно.

Ольга Бронникова. Спасибо за очень интересный вопрос. Мне кажется, здесь надо вернуться к тому, как воспринимались распад, исчезновение Советского Союза. Во-первых, это зависит от различий политических взглядов.

Во-вторых это, конечно, связано с историей идей. Левые идеи во Франции. Потому что в XX веке и до сих пор левые плотно связаны с интеллектуальной сферой французского общества. Даже самые известные сегодня одиозные персонажи неолиберального толка в прошлом (в 68-м году) могли быть маоистами..

О.М. Здравомыслова. Французские интеллектуалы традиционно левые, за редким исключением.

Ольга Бронникова. В общем, можно сказать и так. Вернусь к этой идее о том, кто как отреагировал на распад СССР. Мне кажется, здесь нужно проследить, как формировались разные сообщества левых. Надо начать с 1917 года, с того, что происходило после 1917 года. Сразу же после революции на эту тему публиковалось довольно мало информации. Если публиковалась какая-то информация в журналах, газетах, - это чаще всего была негативная оценка событий в России. В тот момент французские социалисты отрицательно реагируют на революцию 1917 года. И только с укреплением на международной арене образа Коминтерна и появлением Французской Коммунистической партии появляется действительно литература, чаще всего это переводы. Эти книги переводятся прямо в Москве, через Коминтерн потом отправляются во Францию и распространяются Коммунистической партией Франции.

Поколение левых, молодость которых пришлась на тот период, отреагировало на распад СССР крайне болезненно. Для них, практически, весь мир рухнул.

После 45-го года, после Второй мировой войны, образ Советского Союза резко улучшился. К 68-му году появляются публикации на тему революции, переводы произведений советских авторов и т.д.,.

Потом произошли события 1968 года. Здесь, конечно, все очень неоднозначно. Продолжает действовать Коммунистическая партия Франции. Одновременно оформляется интеллектуальная среда троцкистов и марксистов в университетах. Левыми интеллектуалами из университетской среды распад Советского Союза воспринимался как финальный аккорд в полном провале социалистического проекта. Они признали, что капитализму не будет альтернативы. Хотя отрицательное отношение левых интеллектуалов к Советскому Союзу уходит корнями значительно в более ранний период, то есть, по сути, в сталинизм.

Но, практически, для всех лево-ориентированных людей во Франции распад СССР означал отсутствие какой-либо альтернативы в будущем, то есть превращение мира в однополярный мир.

Ирина Кауненко. Спасибо также за вопрос. С одной стороны, есть очень сильный запрос на русскую культуру - классику и современную культуру. У нас сейчас проходит фестиваль «Приглашает Мария Биешу». Надо отметить, что балет, опера – всегда переполненные залы. Причем аудитория - не только пожилые, но и молодые. У нас есть русский театр Чехова, и на его спектаклях тоже много молодежи.

С одной стороны, я задалась вопросом: а насколько сегодня учителя знают современную российскую культуру? Насколько программы повышения квалификации, подключению хотя бы из русскоязычных школ учителей работают интенсивно, в системе. Я не знаю, я не могу говорить: плохо ли, хорошо. Но, наверное, здесь есть над чем поработать.

Второй момент. Должны быть разнообразные формы работы. Кроме НПО и т.д. Даже несмотря на то, что у нас такая небольшая страна, но со своими традиционными связями с Россией, и должны быть определенные центры, которые работают со всеми группами населения.

Следующий момент – это научный и культурный обмен. Да, какие-то каналы есть. Но я не очень убеждена, что это система. Необходим межкультурный диалог и совместная рефлексия экспертов.

И, наконец, нужны программы, которые работают системно и созданы на перспективу. Сейчас же существуют разовые программы, рассчитанные на очень короткий промежуток времени. А необходим дальний разбег, видение совместного будущего, поиск своего места в нем.

Гульнара Дадабаева. Я представляю Университет Алматы. Очень интересно послушать особенно с точки зрения других – как они видят Россию. Для Казахстана это совершенно другой опыт. Мы как небо и земля..

У меня есть один вопрос, наверное, ко всем участникам обсуждения. Почти во всех выступлениях прозвучала тема - страх России, боязнь России. Мне кажется, и академически, и культурно, и политически эта тема не исследована толком и не показана толком. Откуда идут корни этого страха? Они же не только в истории ХVIII-XIX веков, разделов Польши или коминтерновской деятельности, или Сталина.

26 лет прошло с распада СССР, выросло другое поколение. Этот страх рефреном повторяется. В некоторых странах СНГ такого страха нет. Например, Казахстан – страна, у которой нет никаких чувств страха по отношению не только к России, но, наверное, и к другим странам. Откуда он появляется – страх России?

Мне кажется, что, это, конечно же, может быть очень интересной темой для последующих исследований и для того, чтобы сравнить разные культуры..

О.М. Здравомыслова. Спасибо. Вы чрезвычайно интересный поставили вопрос.

Послушав презентацию результатов проекта **«Взгляд на Россию с Востока и Запада»**, можно сделать вывод, что оно не только академическое, но и активистское (я бы употребила именно это слово). Потому что, когда вы вступаете в разговор респондентами, то побуждаете их не только размышлять об отношении к России, но искать решение конфликтных ситуаций, возникающих на стыке индивидуального опыта и потребности в сотрудничестве, с одной стороны, и медийных мифов, стереотипов и предубеждений, с другой.

Подобный диалог между исследователем и респондентом разрушает стереотипы, поскольку заставляет думать и ставить под сомнение устоявшиеся мнения и страхи, которые, препятствуют нормальным человеческим отношениям и отношениям между странами. Нет сомнения в том, что сейчас это важно практически и политически, а не только чисто академически. И это, несомненно, аргумент в пользу того, чтобы продолжать и расширять проект, включая в него новые страны и новых участников.

Заканчивая обсуждение, хочу поблагодарить Сергея Уткина, выступившего дискуссантом. Хочу обратить внимание на то, что Сергей сформулировал, по сути, новую тему, логически вытекающую из исследования: почему у большинства россиян не возникает вопрос о том, как они относятся к постсоветским странам. Возможно, ответ на этот вопрос мог бы стать заявкой для продолжения исследования.

Разумеется, можно высказать и критические замечания. Так, первое, что бросается в глаза, - это необходимость более тщательной разработки методологии исследования и объяснительных концепций. На этом этапе представлены исключительно интересные эмпирические результаты, но описательность пока преобладает над анализом и объяснением.

Уже на первом этапе исследования было бы важно выделить сходство и различия образов России и русских в разных странах. Кстати тема, которая была сформулирована на этом обсуждении - страх, боязнь России - тема, упоминавшаяся в четырех из пяти докладов - предоставляет нетривиальную возможность межкультурного сравнения. Если есть конкретные результаты в исследовании, которое мы сегодня обсуждаем, было бы важно проанализировать феномен «страха России», его истоки и последствия в разных странах и в самой России.

Еще раз хочу поблагодарить весь исследовательский коллектив и особо - Наталью Космарскую за ее работу в проекте и за то, что она предложила провести это обсуждение. Оно расширило наши представления о процессах, которые происходят на постсоветском пространстве и в странах, исторически глубоко связанных с Россией.

Желаю вам успехов и, конечно, а мы будем с нетерпением ждать книгу по материалам проекта.